

Светлана
ДЕМИДОВА

Медовый рай

Светлана Демидова

Медовый рай

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504483

Медовый рай : роман / Светлана Демидова: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65919-7

Аннотация

Галя всегда знала, что некрасива. Но что по этому поводу переживать?.. Зато у нее имелся муж, и жили они очень даже хорошо. Правда, лишь до того момента, пока Галя не узнала, что муж ее совсем не любит. И женился лишь потому, что она серая мышка, с которой спокойно – никто не позарится. Но в сердце Гали – океан нерастраченной любви, которую так хотелось наконец выплеснуть на кого-то! И мужчину, которому эта любовь нужна, судьба ей вскоре подарила. Теперь главное, чтобы и он понял, что Галя – именно та женщина, о которой он мечтал.

Светлана Демидова

Медовый рай

© Демидова С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Если бы не этот дневник, возможно, со мной ничего подобного не случилось бы. Я нашла его совершенно неожиданно. В нашей маленькой и весьма неудобной квартире мебель поставлена намертво. Ее невозможно сдвинуть или поменять местами. Например, для массивного трехстворчатого шкафа есть только один простенок, ни в какой другой он не поместится. Диван тоже не поставит иначе, поскольку в таком случае он непременно загородит подход к балкону или входной двери. Честно говоря, мне никогда и не хотелось ничего менять. Я привыкла к этому старинному мебельно-му гарнитуру, который своими руками сделал еще мой дед, и к тому, как в комнате расположены его составляющие.

Сколько себя помню, дома меня всегда окружала эта мебель – сочного медового цвета, гладкая и чуть скользкая на ощупь. Когда я была маленькой, не было дня, чтобы, проходя мимо шкафа или трюмо, я не лизнула бы какой-нибудь низко расположенный деревянный завиток. На языке всегда оставалась горьковатая и душистая сладость полироли. Обижаясь на старшую сестру, я часто забивалась в щель между книжным шкафом и комодом, утыкалась носом в деревянную скользкость и вдыхала, вбирала в себя пряный аромат дерева. Он врачевал меня, избавлял от ощущения вселенской несправедливости, и я выползала из своей щели размягченной и всепрощающей. Запах полированной сосны был запахом моего дома, где я чувствовала себя защищенной и любимой.

В нашем доме все любили друг друга, и этой любовью была пропитана, пронизана ткань нашего существования. Мама с отцом никогда не ссорились. Во всяком случае, мы с сестрой не слышали не только ругани, но даже раздраженных разговоров на повышенных тонах. Деда, сработавшего нашу чудесную мебель, я не помню. Он рано умер. Бабушка была спокойной, молчаливой и доброй. Ее невозможно было рассердить или вывести из себя, как бы мы с сестрой ни старались. Мы намеренно провоцировали ее недостойным поведением или вульгарными выражениями, но бабушка всегда оставалась невозмутимой и каждый раз наставляла нас на правильный путь спокойно и доброжелательно. Она

оставалась очень красивой женщиной даже в последние годы своей жизни, когда сильно мучилась сердечной недостаточностью. Мне хотелось бы постареть так же благородно, как она, но вряд ли выйдет. Я больше похожа на маму, которая была самой обыкновенной женщиной. Сестра тоже пошла в мамину породу. По таким лицам, как у мамы и у нас с Наташей, взгляды скользят, не задерживаясь, ибо зацепиться совершенно не за что. Я всегда ломала голову, как нашу маму в привокзальной толпе заметил отец (именно там они и познакомились), такой же красивый, с гордой осанкой, как у матери, нашей бабушки. Что могло его привлечь в совершенно невзрачной девушке, которая сейчас смотрит на меня с фотографий семейного альбома? В ответ на мои расспросы мама всегда посмеивалась. Она так ничего и не успела рассказать... Они с отцом погибли в автомобильной катастрофе, и я была уверена, что никогда не узнаю историю их отношений, если бы не мамин дневник. Неужели она предчувствовала свою раннюю гибель и потому заранее прятала свои записи? Я нашла дневник в нише между треснувшим зеркалом и задней деревянной стенкой трюмо.

Зеркало треснуло неожиданно. По улице под нашими окнами, громяхая, проехала какая-то тяжёлая машина. А потом раздался необычный треск, будто раскололи большой пересохший и пустой орех. Я не сразу поняла, что произошло, когда же увидела на старом зеркале зигзагообразную

трещину, поделившую льдистое полотно почти пополам, очень испугалась и долго не могла встать из кресла, в котором читала книгу. Меня не отпускало ощущение, что трещина прошла не только по зеркалу в дедовом трюмо, но и по жизни нашей семьи, по моей жизни.

Зеркала бьются к несчастью, всякий знает такую примету, но меня почему-то пугало вовсе не то, что может случиться теперь, после того, как зеркало треснуло. Мне казалось, что трещина разделила пополам мой мир вообще. И, скорее всего, гораздо более серьезное значение, чем нынешнее положение вещей, имеет то, что уже произошло когда-то, но было скрыто от меня родительским молчанием и временем. Дать объяснение этому предчувствию я не могла. Жизнь моих родителей всегда была у нас на виду. Казалось, что никаких тайн у них не было. Ни мать, ни отец никогда не уезжали от нас ни в отпуск, ни в командировки. Мы всегда были вместе, и в будни, и в праздники. Мы с сестрой даже не удосужились обзавестись задушевными подружками. Они нам были не нужны. Нам хватало друг друга и нашей семьи. И сейчас в нашей взрослой жизни мы очень близки с сестрой, а подруг по-прежнему не имеем.

Я довольно долго размышляла обо всем этом, прежде чем отложила книгу и подошла к зеркалу. Зигзаг трещины с острыми пиками разделил мое отражение пополам. Я содрогнулась, но зачем-то дотронулась до зеркальной поверхности. В этот момент от каждого пика до деревян-

ной рамы с таким же сухим треском пробежали более тонкие трещинки. Полотно зеркала, переставшее быть цельной поверхностью, начало съезживаться, посверкивая острыми гранями, потом осело, неприятно шурша, съехало вниз и с отчаянным стеклянным звоном разлетелось на мелкие удлиненные осколки, похожие на серебристых рыбок. И тогда я увидела пакет из коричневой оберточной бумаги, который был крест-накрест прикреплен к деревянной стенке зеркала синими полосками изоленты. Мои смутные предчувствия оправдывались. Зеркало скрывало тайну, и, возможно, вовсе не вибрационные волны, распространяемые тяжелым грузовиком, были виной тому, что оно разлетелось на мелкие кусочки. Похоже, просто пришла пора открыть когда-то сокрытое. Впрочем, я лучше расскажу все по порядку...

В будний июньский день я ехала в полупустой электричке в поселок Ключарево. Весь летний скарб давно уже был отправлен на дачу, и все вещи даже расставлены и разложены по местам. Поскольку на нашем участке не было ни одной грядки, кроме цветочных клумб, которые таковыми можно считать весьма условно, в моей голове не было ни одной хозяйственной мысли. Мне не надо было думать ни о семенах, ни о рассаде, ни об удобрениях. Трава росла сама по себе. Муж изредка косил ее, когда она уже мешала передвижению, но сейчас, в июне, она только-только входила в

силу и никому не причиняла неудобств. Многолетние растения тоже цвели, когда хотели, а если не цвели, я на них нисколько не обижалась. Мне хватало нескольких почти одичавших яблонь и трех кустов сирени, которая увяла в начале лета. А потом до самой осени пышно цвел и дивно благоухал шиповник, высаженный по периметру нашего участка. Соседки долго надоедали мне, предлагая взять ягодные кусты, но я каждый раз отказывалась, и они наконец оставили меня в покое. Наша дача была для меня не местом сельскохозяйственных работ, а местом отдыха. Я по-прежнему не нуждалась в подругах, а потому не водила дружбы с соседками. Я подозревала, что они меня недолюбливали, ведь я отказалась от их дачного братства и вечерних посиделок за домашним вином, однако меня это нисколько не заботило и я переносила их нелюбовь совершенно спокойно. Моя дача – моя крепость.

На одной из станций напротив меня сел мужчина с большим рюкзаком и странной формы футляром, непонятного мне назначения. Я от нечего делать разглядывала футляр, размышляя, что в нем может находиться. В конце концов мне пришло на ум, что в нем вполне может поместиться, например, ружье, винтовка или даже автомат – я совсем не разбираюсь в оружии, хотя у моего мужа есть какое-то ружье и он иногда ездит на охоту. Вот уж повезет, если этот человек вдруг расстегнет круговую молнию, выхватит свой огнестрел и крикнет на весь вагон: «Кошельки на сиденья,

или всех перестреляю!» Я подняла голову, чтобы посмотреть «террористу» в лицо, и встретила с равнодушным взглядом серых глаз. Мужчина явно не собирался стрелять. Глаза террористов, по моему мнению, должны гореть огнем ненависти или хотя бы быть полны презрения к своим врагам. Глаза этого мужчины были затуманены какой-то думой, что не к лицу разбойникам любого толка. Они должны действовать, а не размышлять. На мой взгляд мужчина тоже никак не отреагировал, что меня ничуть не удивило. Представители сильного пола никогда на меня не реагировали. Никоим образом. Муж – не в счет. Мы с ним долго работали в одном отделе, прежде чем он наконец нашел во мне массу положительных душевных качеств, которые в конце концов помогли ему принять и мою невзрачную внешность.

Я продолжила исподтишка разглядывать мужчину, сидевшего напротив меня и смотревшего в окно, почти не мигая. Если он не террорист, то кто? Может, охотник? Но какая сейчас, в июне, охота? Мой муж охотится с друзьями не раньше августа. Тогда, может быть, в футляре фотоаппаратура? Нет, у фотографов совсем другие кофры... Впрочем, все просто как день. Конечно же, в этом футляре складные удочки! Как я сразу не догадалась! Он рыбак! Наверняка в рюкзаке болотные сапоги!

А ничего такой рыбак... Симпатичный... В моем вкусе... Мне, конечно, не пришлось выбирать себе мужа в соответствии со своим вкусом. Мой муж совсем не такой, как те

мужчины, о которых я мечтала в юности. Нет, он вовсе не плох. Даже, пожалуй, слишком хорош для такой невыразительной особы, как я. Стас хорошего роста, ладно скроенный, со смуглой чистой кожей, кареглазый и черноволосый. Сестра считает его красавцем и тоже удивляется, как он мог обратить на меня внимание, когда на улицах столько ярких длинноногих девиц. Но Стас каким-то непостижимым образом все же умудрился в меня влюбиться.

Мой попутчик совсем другой. Очень светлый шатен, пострижен ежиком, и, похоже, стригли его совсем недавно. Его лицо уже успело загореть, и на границе волос осталась узкая светлая полоска незагорелой кожи. Глаза у мужчины, как я уже сказала, были серыми и тоже очень светлыми, будто разбавленными белилами. Такие глаза должны быть у ангелов, но их владелец на ангела никак не тянул. Он был очень высоким. Это было понятно даже тогда, когда он сидел, – его колени почти доходили до моих. Ангелам ни к чему такое длинное тело, наверняка это снижает аэродинамические характеристики. Крупные кулаки спокойно лежали на вытертых джинсах, но, как мне показалось, в любой момент могли быть совсем не по-ангельски пущены в ход, если вдруг что...

Лицо... Его выражение было непонятным. Мужчина то ли был чем-то расстроен, то ли рассержен. По-прежнему глядя только в окно, он периодически покусывал бледные губы и поводил подбородком, будто мысленно что-то кому-то доказывал. Красивым его лицо назвать было нельзя, но оно при-

тягивало, простое и одновременно благородное. Мужчина с одинаковым успехом мог быть и интеллигентом, и работягой. Спустившись взглядом к его шее, я увидела чрезмерно потертый ворот клетчатой рубашки, торчащий из-под джинсовой куртки. В таких рубашках я не отпускаю мужа даже на охоту, но знаю, что его друзья одеваются в лес еще и похуже. Дольше разглядывать попутчика и строить какие-то предположения на его счет я не могла, поскольку электричка уже подъезжала к платформе Ключарево.

У дверей вагона я обернулась, чтобы бросить последний взгляд на заинтересовавшего меня рыболова, но его уже не было на сиденье. Со своим огромным рюкзаком и складными удочками (а я уже не сомневалась, что в футляре именно они) он, дожидаясь остановки электрички, стоял позади меня и женщины с сумкой-тележкой. Ну конечно! Наше садоводство расположено на одном из берегов чудесного озера под названием Чистые Ключи. Говорят, со дна его бьют несколько ключей, питающих озеро. Вода в Ключах действительно очень чистая и вкусная. Мы кипятим ее только на всякий случай, а я часто тайком от мужа пью ее так, некипяченой. Рыбаки любят другой берег озера, где нет дач. Попутчик наверняка отправлялся именно туда.

На платформе я намеренно замешкалась, чтобы посмотреть, куда пошел заинтересовавший меня мужчина. Он, оглядевшись вокруг, легко сбежал со ступенек, несмотря на тяжелый рюкзак, и направился к стоянке частных машин, во-

дители которых за приличные деньги возили желающих как раз на другую сторону озера. Я удовлетворенно хмыкнула, развернулась и, спустившись с платформы на хорошо утоптанную тропинку, пошла в сторону собственной дачи.

Прежде чем выйти к садоводству, тропинка довольно долго вилась по лесу, самому настоящему, Берендееву – сказочному и непроходимому. Осенью в нем полно сборщиков ягод и грибников. Протоптанные людьми тропы исправно зарастают, на деревьях и кустах быстро вырастают новые ветки взамен сломанных. И сколько бы грибников ни прочесывало лес, никогда не было такого, чтобы кому-то пришлось выйти из него без грибов или ягод. Ягоды я собирать не люблю, а грибы – очень даже. Осенью к нам на дачу часто приезжает моя сестра Наташа, и мы с ней до изнеможения бродим по лесу. И дело не только в грибах. Каждый раз мы обалдело вдыхаем лесной запах, настоящий на густых мхах, сочных листьях, старой хвое, слушаем разнообразный птичий гомон и непременно собираем букеты скромных и очень нежных в этой своей скромности лесных цветов.

В общем, мне до того нравится наш лес, что, попав в него, я ощущаю себя в иной реальности, где надо мной уже не властны тревоги, проблемы и суэта большого города. Я вступаю в то самое пространство отдыха, нирваны и самой вульгарной лени, которую очень легко прощает моя вечно чем-то озабоченная совесть.

И в тот раз, окунувшись в лесную прохладу и вдохнув гу-

стой запах свежей зелени, я быстро забыла мужчину с удочками. Да и мне ли думать о посторонних мужчинах? Во-первых, они на меня никогда не обращают внимания, а во-вторых, у меня есть любящий и заботливый муж. На что мне чужие бледноглазые мужчины?

До садоводства, где находится наша дача, частники, машины которых стоят на другой стороне от платформы, тоже могут довести в объезд по шоссе (не все соглашаются ехать к рыбным местам по пересеченной местности), но я всегда ходила пешком. Я уже не раз помянула чудесный воздух этих мест – если не считать электричек и машин, он больше ничем не загрязнялся. На десяток километров вокруг нет ни промышленных предприятий, ни жилых массивов. Чистая, нетронутая природа.

Хорошо утоптанную тропинку, которую лес все-таки не смог победить, обступали огромные разлапистые ели с мощными махровыми лапищами мягкого зеленого цвета. Я всегда приходила к своему дачному домику с букетом цветов или с букетиками земляники, черники, брусники – смотря по сезону. В этот раз земляника мне не попала, и я набрала ярко-малиновой герани, колокольчиков и желтых звездочек гусиного лука.

Возле дачи все же пришлось ненадолго задержаться и поболтать с соседкой Катериной, которая завела вечную песню о погоде, клубничных усах и поборах садоводства. Я немного поддержала разговор, а потом постаралась побыстрее

скрыться за своими кустами сирени, уже цветущими в полную силу. Сладковатый терпкий аромат заполнил мои легкие. Голова слегка закружилась, и это кружение сегодня было как-то особенно приятно. Я – в душистом облаке, в своем мирке, почти закрытом от посторонних глаз. Я проведу на даче две недели отпуска или даже все три, не буду ни от кого зависеть, не буду никому ничего должна, не буду ни с кем разговаривать, а стану делать только то, что захочу. А что я захочу? Да что захочу!

Во-первых, я не буду себе ничего особенного варить. Куплю у той же Катерины старой картошки, ранней зелени и овощей. Конечно, я при этом выслушаю тьму советов о том, как легко вырастить на собственном участке укроп, петрушку и лук, а при определенном навыке и усилиях – и помидоры с огурцами, но ради летнего салатика вполне можно это перетерпеть. У меня в шкафчике есть запас чайных пакетиков и неоткрытая баночка башкирского меда. В магазинчике в конце садоводства можно купить хлеба, молока и даже мороженое. Может, и куплю...

Жаль, нельзя отключить мобильник. Стас разволнуется и нагрянет на дачу. А мне так хочется побыть одной. Молча. Тихо. Хочу просто дышать ароматами лесных цветов, сирени и новой, еще нежной и душистой травы; слушать щебет птиц, кваканье и урчание пупырчатой лягушки, которая, похоже, поселилась под камнем, что лежит возле калитки. Хочу ощущать во рту хрупкую свежесть первых живых, а не

парниковых огурцов и редиски, нежную горечь недавно проклюнувшихся луковых стрелок, сладкую вязкость меда, который открою вечером. Сегодня я не буду даже читать, хотя закачала себе в электронку кучу книг. Буду просто сидеть на крылечке, слушать незатейливые дачные звуки и, сладко жмурясь, смотреть в чистое синее небо, как обычно делает Катерина кошка Машка, когда пробирается ко мне на участок и нагло ложится в самом центре моего крыльца в позу безмолвного египетского сфинкса.

Покончив с кое-какими неотложными делами и перекусив привезенными из дома творогом и молоком, я застелила скамеечку на крыльце мягким пледом, обложила подушками и замерла в состоянии полной расслабленности и удовольствия. Продолжительное время я действительно только жмурилась, как кошка, и млела под неожиданно жарким июньским солнцем, но потом вдруг резко похолодало, небо налилось тусклой серостью, и заморосил мелкий дождик. Я продолжала сидеть на крыльце, надеясь, что дождь быстро закончится, но капли постепенно наполнялись силой и скоро застучали о крышу нешуточной барабанной дробью. Я сходила в дом, набросила на плечи теплую вязаную кофту, натянула шерстяные носки и снова вышла на крыльцо. Мокрая сирень пахла как-то особенно пряно, и мне не хотелось покидать это влажное ароматное пространство.

Через некоторое время за косыми и мощными струями дождя я увидела человека, приблизившегося к моей калитке.

Я подумала, что это кто-то из соседей. Но мужчина не был мне знаком, и я почувствовала тревогу. Соседи редко ко мне заглядывали, а от чужаков вообще не знаешь, чего ждать. Я ведь в доме одна.

Мужчина, между тем, бесцеремонно открыл калитку и пошел по дорожке, вымощенной кирпичом, прямо к крыльцу. Я даже привстала со скамеечки – ощущение тревоги нарастало по мере приближения незнакомца. Но сердце застучало еще сильнее, когда в насквозь промокшем госте я узнала попутчика из пригородной электричке. Светлый ежик волос был так сильно прибит дождем, что мужчина выглядел почти лысым, с носа, сейчас казавшегося карикатурно длинным, стекали крупные капли и падали на куртку, что, пожалуй, рассмешило бы меня, если бы я не была так напугана. Что нужно от меня этому человеку? Почему он пришел именно ко мне? Неужели заметил, что я его с интересом разглядывала? Неужели он не поехал на другой берег озера ловить рыбу, а все это время выслеживал меня? Но зачем?

– Простите, что я так врываюсь... Промок очень... – глухо проговорил незнакомец. – Не подскажите, где в вашем поселке можно снять комнату на несколько дней?

– У нас не поселок, а садоводство, – зачем-то уточнила я.

– И что? Никто не сдает?

Вместо того чтобы наконец ответить мужчине, который продолжал стоять у крыльца под проливным дождем, я задала свой, глупый и ненужный в этой ситуации вопрос:

– А почему вы пришли ко мне?

– Просто ваш дом первый от леса... от тропинки...

Это была чистая правда, даже Катеринина дача, расположенная напротив нашей, находилась метра на два дальше от леса, и потому я как-то вдруг сразу успокоилась.

– Ну... почему не сдает... Сдают люди... Мы, например, можем вам сдать комнату... – Я не могла понять, почему вдруг это у меня вырвалось и зачем я говорила о себе во множественном числе. Мы сроду никому не сдавали комнат. Да и сдавать-то, по сути, было нечего, но я зачастила: – Только она маленькая... Наверху... Чердачная такая... Там потолок покатый... Крыша, знаете ли... И места мало... И топчан... Но мягкий...

– Да мне все равно. – Мужчина махнул рукой, и меня обдало веером холодных брызг. – Я вас сильно не побеспокою. Мне только ночевать надо, а днем я буду уходить. Ну... или вот как сейчас... дождь пережду у вас наверху...

– Конечно... конечно... Вы проходите... Совсем вымокли... – Я слишком рьяно изображала из себя гостеприимную хозяйку.

– Нет... Мне надо сходить за рюкзаком. Я его пока спрятал от дождя под деревьями... Сейчас принесу.

Мужчина резко развернулся, опять окатив меня брызгами, и пошел к калитке. А я стояла, смотрела вслед и не могла понять, зачем его к себе пригласила. А вдруг неожиданно нагрянет Стас?! Он любит подобные сюрпризы! Как я объ-

ясню ему присутствие в доме постороннего мужчины, если даже себе никак не могу объяснить собственный поступок? Пригласить постояльца в чердачное помещение, где ему с его ростом трудно будет даже разворачиваться, — это ж надо такое придумать!

Все то время, пока незнакомец отсутствовал, я так и простояла на крыльце, терзаемая сомнениями и угрызениями совести. Но дело было уже сделано, и через некоторое время мужчина опять вошел в калитку, неся на одном плече свой огромный рюкзак, а в руках — тот самый футляр, в котором, как я считала, были складные удочки.

Я предложила ему пройти в дом и даже догадалась вытащить на середину кухни масляную батарею, а около нее поставить несколько табуреток.

— Вы разложите здесь свои вещи, чтобы просохли, — предложила я. — Больше сушить негде.

— Конечно, — смущенно согласился мой гость. — Только мне надо переодеться...

Я проводила его в чердачную каморку, пообещала принести постельное белье и удалилась. Когда спускалась с лестницы, ноги у меня дрожали, да и вся я студенисто тряслась от непонятного, сосущего страха. Кто он такой? Я не удосужилась спросить не только документов, но даже имени. Зачем он мне нужен, этот постоялец? Я же приехала отдыхать в одиночестве! Да, он мне понравился в электричке, но не до такой же степени, чтобы... Чтобы что?! Да ничего! Ни-

чего быть не может! Перекантуется несколько дней и убежится восвояси! А несколько дней – это сколько? Сейчас вечер понедельника, в пятницу придет Стас... Вторник, среда, четверг... В пятницу днем этому человеку лучше всего съехать... А вдруг не съедет? Вдруг для него несколько дней – это две недели?

В состоянии уже почти панического ужаса я сидела в кухне на краешке единственного стула и ждала, когда сверху спустится незнакомый мужчина, изнасилует меня в извращенной форме, разрежет на куски и закопает под тем самым камнем, где живет пупырчатая урчащая лягушка. И он начал спускаться. Лестница под ними скрипела и пищала, от чего мне становилась еще тревожнее.

Мужчина, появившись наконец в кухне, бросил на меня беглый, невыразительный взгляд и начал раскладывать вещи для просушки. Он был в черных тренировочных брюках и серой футболке без принтов и прочих прибабасов. Голову он, видимо, чем-то вытер, и влажный ежик волос забавно топорщился, но мне по-прежнему было не до смеха. Гость заметил мое состояние и сказал:

– Да вы не беспокойтесь! Я сейчас поднимусь наверх, и вы меня не увидите до завтра.

– Прямо до завтра? – переспросила я и непроизвольно взглянула на настенные часы. Они показывали половину восьмого.

Мой постоялец улыбнулся, обнажив ровные красивые зу-

бы.

– Выспаться хочу... – объяснил он. – Много работал. Вот приехал на рыбалку, отдохнуть... Но метеопрогноз подвел. Обещали всю неделю без дождей, я и купился: не взял палатку, только спальник, а тут вдруг такой ливень.

По-прежнему улыбаясь, он подошел ко мне поближе и сказал:

– Май.

– Что? – не поняла я.

– Зовут меня так – Май. Матушка придумала. Как вы на-верняка догадались, я в мае родился, вот и... А вас как зовут?

– Меня-то... Меня – Галиной... Можно просто – Галя...

– Га-а-аля... – протянул он. – Редкое нынче имя.

– Ну-у-у... уж все же почаще встречается, чем... Май.

– Это точно, – согласился он. – Я вообще больше Маев не встречал, и, надо сказать, это мне нравится. Ну... что я такой единственный в своем роде. А скажите пожалуйста, Галя, сколько вы с меня возьмете за четыре ночи?

Поскольку я никогда не сдавала жилье, то не знала, сколько запросить, чтобы не выглядеть смешно.

– Да за что тут брать? – смущенно отозвалась я и честно призналась: – Предложила вам убогую каморку, сама не знаю почему. Вы были таким мокрым, таким несчастным...

– Пожалели, стало быть? – Он опять улыбнулся.

– Вроде того... Я, пожалуй, завтра узнаю у соседок, сколь-

ко может стоять такая комнатуха внаем, или... Или вы сможете подыскать себе другое пристанище, хотя бы попросторней...

— Меня все устраивает, Галя. Я действительно хочу весь свой маленький отпуск провести на озере. Просто думаю, что после такого дождя и завтра ночью земля будет еще мокрой. А если все просохнет, я съеду от вас раньше. Договорились?

— Конечно. — Я кивнула и гостеприимно предложила: — Молока хотите? Еще есть немного творога, а больше ничего. Я только приехала.

Я предположила, что он все-таки может вспомнить по электричке, но он, конечно же, не вспомнил, что было совершенно неудивительно, и сказал:

— Нет! Что вы! Это лишнее! У меня все есть: овощи, бутерброды, кофе в большом термосе. Может быть, вы хотите кофе, раз у вас только молоко?

— Нет-нет! — поспешила отказаться я. — Мне тоже всего хватает.

— Ну, как хотите. Не смею настаивать. — Он еще раз улыбнулся, пожелал мне спокойной ночи и поднялся к себе наверх.

Какое-то время я слышала, как Май передвигался по комнатухе, потом звякала какая-то посуда — наверно, он пил свой кофе, а после все стихло. Неужели он и впрямь улегся спать в начале девятого? А что такого? Если сильно устал...

А где ж он мог так сильно устать? Да где угодно! Какое мне до этого дело? Вот если взять Стаса, то он в конце недели тоже никакой... Приедет на дачу в пятницу, поест и тоже наверняка завалится спать. А часов в двенадцать следующего дня проснется. Только бы этот Май к тому времени успел убраться отсюда подобра-поздорову! И зачем я его пустила?

Май... Интересное имя... Ха! Хорошо, что он родился не в феврале, а то вышел бы Февраль! Февраль Иваныч! Май... Май и Галя... Никак не сочетается... Это все равно, что георгин и одуванчик... Надо же, какая ерунда в голову лезет...

Я снова вышла на улицу. Даже на крыльце было неуютно и как-то сиротливо. Дождь кончился, но небо оставалось тяжелым, грязно-сизым. Дул пронзительный ветер, и я моментально замерзла даже в наброшенной на плечи толстой кофте. Пришлось уйти в дом. Я изо всех сил старалась не думать о мужчине, который расположился наверху, но мысли о нем все равно бесконечно возникали в мозгу. Я пыталась думать о Стасе, но в конце концов из моего сознания его все равно вытеснил постоялец, и я решила не бороться с собой. Да! Мне сейчас интересен не Стас, мой законный муж, а этот незнакомый мужчина! И что с того, что я немного о нем подумаю? Кто об этом узнает-то?

Вот что сейчас этот Май делает? А вдруг вовсе не спит? А чем занят? Ну... например, выжидает, когда я лягу спать. И что? Тогда он может нас ограбить! Да что на даче брать-то? Одна электронная книга представляет хоть какую-то цен-

ность, но она – в сумке, Май ее даже не видел... Май! А может, он никакой и не Май? Специально привлекает нестандартным именем, чтобы женщины расслаблялись, и... Ну и что «и»? Да хоть что! Может, он какой-нибудь извращенец? Хорош себя накручивать! Про собственные закопанные останки я уже думала. Вполне достаточно. Он уже сто раз мог бы меня... А может, он любит под покровом ночи? Тьфу ты! Какой сейчас покров, когда ночи стоят белые? Впрочем, сегодня из-за туч достаточно темно. Прямо настоящие сумерки. А вдруг он вампир? Хотя вампиры солнечным днем в электричках не ездят, они себе спокойненько спят в склепах в уютных гробиках...

После эдаких размышлений я внутренне расхохоталась, и мне сразу стало легче. Я открыла холодильник и вылила в чашку остатки молока. Завтра прямо с утра надо сходить в дачный магазинчик, а потом к Катерине – за картошкой и овощами. Мысли о будничных хозяйственных делах оказались врачующими. Я перестала думать о Мае и стала размышлять о том, какие работы по подновлению домика нам со Стасом надо начать прежде всего. Вот, например, доски на крыльце готовы проломиться – это опасно. Ради того, чтобы ненароком не сломать ногу, можно слегка и поступиться отдыхом. Если Стас сам не сможет укрепить крыльцо, придется сходить к Петровичу, дачка которого прямо сразу за Катериной. Он мастер на все руки.

С электронной книгой и чашкой молока я расположи-

лась на диванчике и, увлекшись детективом, читала часа два. В половине одиннадцатого погасила ночник и легла спать. Тут же опять возникли мысли о мужчине, спящем наверху. Или не спящем? Конечно же, спящем! Сверху не раздавалось ни звука, а у нас очень тонкие перекрытия. Думаю, ему нет смысла столько времени сидеть в засаде и чего-то выждать. Давно уже мог бы со мной расправиться, если бы захотел... Да, но тогда почему он не храпит? Почти все мужчины храпят! Стас, как ляжет на спину, храпит бульдозером! Может, этот Май настолько утомился, что как лег на бок, так и не поворачивается? Да какое мне дело до того, как он лежит! Храпит или не храпит – тоже абсолютно неважно!

И тем не менее, как бы я ни гнала от себя мысли о постояльце, они возвращались вновь и вновь. Заснуть я никак не могла. В третьем часу, совершенно измучившись, встала, заварила пакетик чая с мелиссой, выпила и снова легла. Сон по-прежнему никак не шел. А потом вдруг сверху раздался богатырский храп. Я сразу успокоилась и быстро заснула. Когда проснулась, часы показывали половину одиннадцатого. Нехорошо. Не люблю я так поздно вставать. Позднее пробуждение укорачивает день. Да и вообще, мне нравится раннее утро, с его тишиной и каким-то особым интимным уютом. Кроме того, если встать рано утром, впереди лежит целый день, который может таить в себе что-нибудь очень хорошее. Всегда приятно, когда что-то еще впереди, а не в прошлом, как вечером ушедшего дня.

Вспомнив о постояльце, я прислушалась. Сверху по-прежнему не раздавалось ни звука, ни храпа. Спит или не спит? А если не спит, то что делает? Почему не спускается вниз?

Я привела себя в порядок, позавтракала все тем же пустым чаем с мелиссой и отправилась в магазин. День опять стоял жаркий, что в июне в Петербурге и его окрестностях бывает нечасто. От вчерашнего ливня не осталось бы никаких следов, если бы не разбитая автомобильными колесами дорога. В колеях стояла вода. Она казалась ярко-синей из-за отражающегося в ней неба.

На обратном пути я зашла к Катерине и купила у нее все, что хотела. Конечно, вынуждена была выслушать кое-какие садоводческие сплетни и даже смогла кое-что вполне вразумительное сказать в ответ. Когда вернулась в свой домик, вдруг осознала, что постояльца нет. И ушел он, скорее всего, не в мое отсутствие. Рыбу же ловят на утренней зорьке! Он наверняка отправился на озеро, когда я еще спала.

Я принялась сооружать немудреный завтрак в виде салата и даже включила радио, чтобы не пускать в голову мысли о Мае, но они все равно неутомимо возвращались и возвращались. Я поймала себя на том, что постоянно поднимаю глаза к потолку, к тому месту, где поселился незнакомый мужчина. В конце концов я посчитала, что не будет ничего плохого, если поднимусь на второй этаж и посмотрю, как постоялец устроился, все ли в комнатке в порядке. Может, надо выте-

реть пыль или пол подмести... Меня ж давно не было на даче... Недели две... Все могло пропылиться насквозь...

Уже открывая дверь в каморку под самой крышей, я все-таки опять нашла в себе силы перестать лукавить с собой. Меня вовсе не интересовали пыль и мусор на полу. Мне хотелось посмотреть на вещи Мая и таким образом хоть что-то узнать о нем. Сделать этого не удалось. Комнатушка оставалась совершенно безликой. Постель была аккуратно застелена покрывалом, а все вещи убраны в рюкзак. Даже вчерашних тренировочных брюк и серой футболки нигде не было видно. Похоже, постоялец чувствовал, что я могу нагряться с инспекцией, и подстраховался. Раскрываться он явно не желал. Что ж, это его право. Я в полном разочаровании спустилась к своему салату и вяло поела.

Мая не было весь день, который я провела в диком напряжении. Мне казалось, что он вот-вот должен прийти, а потому я должна держать наготове особое выражение лица. Эдакое устало-безразличное. Будто бы мне нет никакого дела до него и до того, когда он вернется, поскольку у меня масса собственных забот. На самом деле забот у меня не было. А дело до него почему-то было! И с какой такой стати? Наверно, просто невозможно не волноваться за постояльца... Мало ли... что-нибудь с ним случится, и выйдет, что я его видела последней... Полиция... то да се... допросы... алиби... Как в том детективе, которым я так увлеклась вчера вечером. Этот Май вполне может оказаться каким-нибудь бег-

лым... алиментщиком... И это в лучшем случае... А в худшем? А в худшем... как тот маньяк... из детектива... который... Фу! Об этом лучше не думать! Лучше сварить какой-нибудь супешник! Май придет, а тут горячий обед! А он ему нужен? Если Май на озере, то, может быть, там себе уху варит... Да и вообще... Если бы его не было, разве стала бы я варить себе суп? Да ни за что! Хватит с меня семейной кулинарной обязаловки! Когда я одна на даче, никогда себе ничего не варю, кроме Катериной картошки. Тогда, пожалуй, стоит ее почистить. Но, может быть, попозже? А почему попозже? Ну... чтобы, когда Май придет... Фу-ты! Да что же это такое! Мне нет дела до этого Мая! Когда захочу есть, тогда и почищу картошку! А сколько? Только для себя или...

До самого вечернего прихода постояльца я так и прометалась по дому, путаясь в противоречивых мыслях и ображениях. За какое бы дело ни принималась, все валилось из рук. Начала разбирать антресоль, но потом с отвращением запихала все обратно в еще большем беспорядке. Попыталась позагорать на раскладушке, но очень скоро мне стало жарко. Долго размышляла, не пойти ли мне окунуться на озеро, даже начала собирать пляжную сумку, но так до конца и не собралась. Книга не читалась, телевизор не смотрелся, плеер не слушался. Тюль, который решила простирнуть, замочила в тазу, да так и оставила. Картошки не почистила, не сварила и ничего не ела. Так себя измучила, что аппетит пропал напрочь. Май пришел, когда я меньше всего его жда-

ла. Впрочем, я ведь весь день себя уговаривала, что мне нет до него никакого дела. Для убедительности я даже закрутила волосы на затылке в пенсионерский бублик, хотя знала, что такая прическа мне совсем не идет. Меня украшает, когда волосы со всех сторон набегают на лицо, скрывая таким образом некоторую его угловатость. И старая красная, здорово растянутая футболка меня уродовала, но я специально ее натянула. Пусть постоялец знает: мне все равно, что он обо мне подумает! Когда я, неприлично раскорячась, вытаскивала из-под крыльца старый веник, чтобы подмести дорожку к дому, услышала уже знакомый голос:

– Вам помочь?

Вынырнув из-под крыльца со здорово полысевшим веником в руках, я смогла только отрицательно помотать головой.

– У вас тут просто рай для рыбаков! – сказал он, показывая мне связку рыбы. – Поглядите, каких красавцев я вам принес! Узнаете?

– В каком смысле? – проямлила я.

– Ах да! – Он улыбнулся. – Женщины редко понимают толк в рыбе. Тут у меня самые отборные! Окуни! Экие полосатые красавцы! А блеск какой! Говорят, у вас можно даже шуку поймать! Но мне пока не довелось... Вы когда-нибудь ели фаршированную шуку?

Я опять лишь помотала головой.

– А котлеты из шуки?

– Нет, – наконец смогла произнести я, посчитав, что мо-

тать головой дальше неприлично.

– Ну... это, конечно, изыски... Но вот классную уху я могу вам сварить, хотите? В дополнение к плате за проживание?

Я, почувствовав наконец смертельный голод, в очередной раз мотнула головой – на этот раз уже утвердительно.

– Отлично! Только давайте на улице! Именно на костре уха получается настоящей ухой!

– На улице? А где? – испуганно спросила я, почему-то представив, как Май разводит костер прямо на дороге между нашими с Катериной домами.

– Конечно, лучше бы прямо на берегу озера, но сейчас уж поздно туда возвращаться. – Он огляделся по сторонам и продолжил: – Я вижу, что у вас грибок нет, так что можно на участке. Вы ведь наверняка где-то делаете шашлыки. Без них и дачный отдых – не отдых.

– Да, конечно... – согласилась с ним я. – Стас... ну... мой муж, он ставит мангал вот там... – Я показала ему утоптанную площадку слева от домика.

– Отличное место! Вы не волнуйтесь, я в этом деле бо-о-ольшой специалист! Ничего не загорится! А костровище я потом разберу, землей закрою, утопчу и будет как было!

– Я, наверно, должна рыбу почистить?

– Нет-нет! Вы ничего не должны! Уха – дело мужское! Занимайтесь своими делами. Я вас позову, когда будет готово.

– А в чем будете варить? – не отставала я. – У вас есть... в чем?

– Обижаете! – Май подмигнул. – Чтобы у рыбака не было с собой котелка – такое невозможно!

Я в десятый раз кивнула и ушла в дом вместе с лысым венником, забыв, что собиралась подмести дорожку. Впрочем, чего ее подметать-то? Это ж я собиралась делать на нервной почве. Надо сказать, что эта самая почва стала еще более нервной. Зачем я разрешила Маю хозяйничать на участке? Его же заметят соседи! Если и не сейчас, то когда всю улицу затянет дымом костра, каждый выскочит на крылечко, чтобы полюбопытствовать, нет ли какой угрозы любимой дачке. Глядь, а на моем участке посторонний мужчина! Да еще разводит костер! И варит уху! А что я скажу, когда та же Катерина спросит меня, кем мне приходится этот мужчина? Она сразу поймет, что я интересовалась ценой за съём комнаты в нашем садоводстве вовсе не для каких-то мифических знакомых, а сама собиралась ее сдать именно этому человеку. А раз я сдала ему жилье за деньги, значит, это не родственник, и нет смысла называть его, к примеру, двоюродным братом. А если жилец уже варит на участке уху, то он наверняка покажется Катерине уже не просто жильцом, а близким мне человеком... Вот ведь влипла! А если она расскажет о Мае Стасу? А что, разве я сама ему не расскажу? А как я ему расскажу, если он сразу подумает, что я... что мы... А мы вовсе и не...

Все то время, пока Май колдовал над ухой, я почти недвижимо просидела в домике, перебирая в уме самые ужасаю-

щие последствия задуманного и начатого гостем мероприятия. Когда сквозь отворенное окно в комнату потянуло острым и терпким запахом рыбного варева, мой желудок так скрутило от голода, что я мигом перестала думать о плохом и выскочила на улицу.

Над небольшим аккуратным костерком, обложенным камнями, висел выдавший виды, кривобокий и хорошо прокопченный котелок, из которого струился дивный аромат наваристой ухи.

– Ага-а-а-а! – протянул Май, взглянув на меня. – Не выдержали! Я так и знал! Этот запах мертвого поднимет! Еще чуть-чуть, и будет готово! Несите миски или тарелки... Ну... что-нибудь, куда наливать... Еще ложку... себе. У меня есть. И какую-нибудь поварешку, что ли... А скамеечку я взял ту, что у вас возле умывальника стояла... Ничего?

Я кивнула все в том же стиле и отправилась в дом. Кроме посуды, я взяла еще хлебной нарезки и зелень, которую купила у Катерины.

– Зелень! Отлично! – обрадовался Май. – У меня обычно с собой для ухи все, что нужно, но зелень не сохранишь, а сушеная как-то не то... Позвольте, я добавлю в котелок петрушки с укропом. – И не дожидаясь позволения, он вытащил из моих рук пучок зелени. Он коснулся моих рук своими, и у меня перехватило дыхание. Пока я приходила в себя, он часть зелени изрезал над варевом, а другую протянул мне со словами: – А это чтобы сверху посыпать... И знаете что еще?

– Что? – покорно спросила я.

– Понимаете, есть такая деталь... Если в тарелки положить по кусочку сливочного масла... У вас есть масло?

– Кажется, в холодильнике есть немного...

– Тогда тащите! – весело скомандовал он.

Я поставила на скамеечку тарелки, положила хлеб и опять пошла в дом. Когда я вернулась, Май, как мне показалось, сделал странную вещь: вытащил из костра головешку, тщательно оббил, а затем сунул одним концом в котелок, немножко подержал ее там и вернул в костер. Мокрая головешка отчаянно зашипела и неприятно задымила.

– Это зачем? – удивленно спросила я.

– Чтобы придать ухе запах дымка!

– Он же противный! Вон как гадко пахнет!

– Вот увидите, в ухе вам понравится! Ничего-то вы, женщины, в настоящей ухе не понимаете!

– Ну... не знаю... Я терпеть не могу, например, сосиски с запахом дымка... или селедку... Знаете, такая в баночках...

– Так то ж химия! Кто ж ее любит! А головешка – натуральная штука!

Я с сомнением покачала головой, а Май достал из мягкой черной сумки, с которой пришел с рыбалки, фляжку, отвинтил крышечку, налил в нее жидкость, очень похожую на водку, и отправил содержимое в уху. Потом туда пошла еще одна порция алкоголя из крышечки. Видимо, на моем лице было написано такое изумление, что мой постоялец рассме-

ялся и сказал:

– Ну, я вижу, вы никогда не едали настоящей ухи!

Я продолжала изумленно таращить глаза, и он вынужден был пояснить:

– В уху всегда надо добавить водки... примерно рюмку...
Как раз две крышечки получаются...

– Зачем?!! – моему изумлению не было предела.

Май расхохотался и принялся терпеливо объяснять:

– Во-первых, водка отбивает тинный запах рыбы, а во-вторых, придает особый, чуть сладковатый вкус. Уверяю, вы не опьянеете! – Он опять рассмеялся, потом убрал фляжку в сумку и разлил дымящееся варево по тарелкам. В каждую положил по кусочку масла из масленки, что я принесла, и посыпал оставшейся зеленью. Потом развел руки в стороны и сказал: – Ну! Налетайте! Только осторожно – горячая! Как говорится – с пылу с жару!

Я хотела взять в руки тарелку, но она действительно оказалась очень горячей.

– Да-а-а-а... – протянул Май. – Надо, чтобы остыло слегонца...

Мы с ним сели на скамейку с разных сторон наших тарелок и посмотрели друг другу в глаза. Я свой взгляд тут же отвела, словно институтка на первом свидании с кадетом.

– А может, пока по стопарику? – предложил Май. – За знакомство, так сказать...

– Не-е-е-е-е!!! – Я так отчаянно это выкрикнула и с та-

кой силой опять замотала головой, что Май в очередной раз рассмеялся, а потом, даже будто бы утерев нечаянную слезу, сказал:

– Да чего вы так боитесь-то, никак не пойму! Если соседей, то об этом вам надо было бы раньше подумать, когда решились комнату мне сдать. А теперь уж меня все ваши соседи сто раз видели. А женщина во-о-о-он из того дома... – и он показала на Катеринин, – со мной сегодня очень приветливо поздоровалась!

Ложка с ухой, которую я уже донесла до рта, дрогнула у меня в руке. Я плюхнула ее обратно в тарелку. Есть мне совершенно расхотелось. Май бросил на меня ироничный взгляд.

– Да, вы правы, – вынуждена была сказать я. – Надо было раньше думать... Теперь уж что...

– У вас ревнивый муж? – спросил он.

– У меня муж... нормальный... Но любому самому нормальному мужу вряд ли понравились бы вот эти наши с вами посиделки... Не находите?

– Да... как вам сказать... дело в том, что... – начал было он.

Но я тут же его перебила:

– Вот и не говорите ничего! – вдруг с неожиданной для себя решительностью проговорила я и опять взялась за ложку. Есть действительно не хотелось, но обижать человека не хотелось еще больше. В конце концов, он вовсе не навязывался.

вался мне в постояльцы. Я сама его оставила.

Проглотив одну ложку, я тут же заработала ею в полную силу, такой вкусной оказалась уха. Никакого алкоголя действительно не чувствовалось, а запах дымка был едва уловимым и очень приятным. Действительно не шел ни в какое сравнение с «задымленными» искусственным способом со-сисками!

– Вижу, нравится! – весело констатировал Май.

И я вдруг решила поддаться этому его веселью. Не сидеть же перед ним с постным лицом! Чего уж теперь, когда дело сделано!

– Удивительно вкусно! – честно сказала я. – Такой души-стый суп, такой... терпкий... по-хорошему...

– А водка чувствуется?

– Нет.

– А тонкий аромат дымка?

– Пожалуй...

– В-о-о-от!! – Он поднял указательный палец. – А цвет какой! Просто слеза! Мне нравится, когда уха прозрачная! Когда варишь на костре, этого особенно трудно добиться. Например, нельзя допускать бульканья, поэтому приходится повозиться с огнем...

– У вас получилось...

– А то! Большой опыт! Меня отец приучил к рыбалке. И уху он научил варить...

На этом разговор иссяк. Мы сидели друг против друга и

молча работали ложками. Когда моя тарелка опустела, Май предложил добавки, и я не отказалась. Аппетит вернулся. Все-таки у меня почти весь день ничего во рту не было. Когда съела и вторую порцию, чтобы поддержать провиснувший разговор, сказала:

– А вот финны добавляют в уху сливки. Тоже вкусно...

– Да, я ел... Но, согласитесь, это совсем другой суп!

– Конечно, соглашусь... – отозвалась я, и мы опять замолчали, и я опять почувствовала неловкость. У меня даже в затылке заломило от того, что я не знала, как поступать дальше. Надо ли мне просто поблагодарить Мая за вкусную еду и уйти с грязными тарелками или предложить еще перелить остатки ухи в кастрюльку, чтобы потом, когда остынет, поставить в холодильник, а котелок взяться вымыть. Или ничего этого не надо, поскольку варить уху он сам придумал, а я у него ничего не просила. Или стоит еще о чем-то поговорить. С другой стороны, если ему хочется поговорить, пусть сам и придумывает тему.

– Я сам все уберу и вымою! – спас меня Май. – Я видел, где вы берете воду. Все будет в порядке, не беспокойтесь. Я сам вам навязался с ухой. Отдыхайте!

Я опять закивала головой, теперь уже как-то особенно мелко и наверняка препротивно со стороны, и бочком удалилась в дом, будто гостья на этом дачном участке. В комнате я обессиленно опустилась в кресло и крепко задумалась. Уж коли Катерина здоровается с Маем, то ее вопросов не

избежать. А что я ей отвечу? Как это что?! Да что есть, то и скажу! Но она обязательно спросит, почему я вдруг пустила в жильцы незнакомого мужчину, а раньше даже женщины у меня комнат не снимали... Ну не снимали... Все когда-нибудь случается впервые...

Я подошла к окну и, прикрывшись цветастой шторой, стала наблюдать за Маем. Он разбирал кострище, двигаясь легко и даже, пожалуй, грациозно. Я залюбовалась им, а потом вдруг сама себе удивилась. Почему я прячусь за занавеской? Разве мне нельзя открыто смотреть в собственное окно? Да, но вдруг он меня увидит? Ну и что?

Опять я почувствовала неловкость ситуации. Мне казалось, что я должна сделать что-то решительное, но почему-то остаюсь за занавеской. Здравый смысл подсказывал, что постоянно я ничего не должна, что ни перед кем не виновата и не сделала ничего плохого или предосудительного, но внутри разрасталось отвратительно-сосущее чувство тревоги. Вот ведь если бы Мая не было, я сейчас преспокойно сидела бы с чашкой молока и книжкой на крылечке, спокойно читала и наверняка поглаживала бы Катеринину Машку, которая часто прибегала ко мне по вечерам. Была бы во всем уверена и спокойна. Я ведь за этим спокойствием и приехала на дачу. Зачем же пустила Мая? Зачем? Может быть, стоит наконец быть честной с собой? Он мне понравился! Да! Понравился еще в электричке! Своей абсолютной непохожестью на Стаса. И еще заинтересовал тем, что казался чем-

то расстроенным. Почему-то хотелось узнать, чем. Правда, сейчас он выглядит абсолютно спокойным. Что ж, это неудивительно. Природа врачует. Май наверняка за этим спокойствием сюда и приехал, как и я. Только он действительно успокоился, а я растеряла последние остатки своего спокойствия. Это особенно непонятно. Видно же, что я его абсолютно не интересую как женщина. А кого я когда-нибудь интересовала, кроме Стаса? А что, разве мне хотелось бы, чтобы я заинтересовала Мая? Пожалуй, хотелось бы... Ну и что из этого хорошего вышло бы? Ничего! Разве я не люблю мужа? Вот новости! Конечно, люблю! Как его можно не любить? А раз я его люблю, для чего мне внимание Мая? Не знаю... Я ничего не знаю, ничего не понимаю, и поэтому у меня разламывается голова.

В девять часов вечера, совершенно измучившись, я приняла снотворное, которое держала для свекрови, и заснула тяжелым сном. И снился мне Май. Проснувшись, я это сразу вспомнила, но связанное с ним во сне было неприятным, грязным и даже каким-то прелюбодейским, отчего я испытывала настоящие угрызения совести, будто в реальной жизни изменила с ним Стасу. А разве бы я могла изменить мужу? Да никогда в жизни! Как потом смотреть ему в глаза? У нас с ним сразу после знакомства установились добрые, доверительные отношения. У нас со Стасом много своих семейных традиций, интимных тайн, особых словечек, о которых не знает никто, кроме нас двоих. Разве можно все это

предать? Ради чего? Ради кого? Не ради же этого незнакомого мужчины, который очень скоро съедет с нашей дачи и никогда больше ни единого раза обо мне не вспомнит?

И тем не менее я с особым напряжением прислушалась: не раздаются ли сверху какие-нибудь звуки. Они не раздавались. В доме стояла тишина. Лишь с улицы доносилась перебранка соседок. Вот ведь умудрились поссориться спозаранку.

Наверно, Май снова ушел на озеро. Ну и зачем ему столько рыбы? Ухи осталась еще целая кастрюля! Впрочем, давно известно, что важен не столько улов, сколько процесс.

Спуская ноги с постели, я уже знала, что первым делом отправлюсь наверх, во временное жилище постояльца. Я изо всех сил пыталась удержаться от этого: долго расчесывала волосы и заворачивала их в бублик, еще дольше застегивала на мелкие пуговики халат до самого низа, хотя обычно подол всегда оставляла незастегнутым, чтобы легче было ходить. Справившись с этим нехитрым делом, я резко встала и отправилась к лестнице.

В камерке по-прежнему все было прибрано. Ни единой личной вещи нигде не висело и не лежало. Вздых разочарования мне не надо было сдерживать, поскольку никто меня не видел, и вслед вздоху я даже послала протяжное:

– Ну во-о-от...

Я уже хотела уходить, но почувствовала под ногой какой-то маленький предмет. Осторожно приподняв ступню

так, чтобы предмет никуда не укатился, если он вдруг круглый, я увидела прозрачную граненую бусину с маленьким крючочком из желтоватого сплава. Вряд ли она имела отношение к Маю. Скорее всего, ее потеряла свекровь. Когда приезжает на дачу, она всегда ночует в этой каморке. Надежда Степановна обожает всяческие украшения, но в них совершенно не разбирается, как, впрочем, и я. Стас все время ругает мать за то, что вместо настоящих ювелирных изделий она покупает подделки, стразы и дешевые самоцветы. Несколько раз он покупал ей ожерелья в дорогих ювелирных салонах, но Надежда Степановна все равно гораздо больше любит свои бусы, длинные, в несколько рядов, купленные на развалах возле метро. Свои украшения она запросто может надеть к дачной футболке и тренировочным брюкам – ее уже не переделаешь.

Я машинально сунула бусину в карман халата, еще раз разочарованно вздохнула, легонько пнула ногой толстый рюкзак Мая, спустилась вниз и принялась за дачные дела. Сегодня я уже чувствовала себя более спокойной, каждую минуту не ждала постояльца, разобрала-таки антресоль, встрясла покрывала, дочитала до конца детектив, в котором полностью разочаровалась, а потом даже заснула вместе с Машкой в тенечке на раскладушке. Проснувшись я от ощущения чьего-то присутствия. Открыв глаза, я увидела перед собой Мая, почему-то очень испугалась и резко спустила ноги с раскладушки. С моей груди на колени скатилась Машка,

не пожелав при этом даже приоткрыть своих кошачьих глаз.

– Не пугайтесь! – Май улыбался. – Это всего лишь я!

– Не клюет? – вырвалось у меня. Мне показалось, будто я только что заснула, а раз так, то наверняка еще нет и четырех часов.

– Еще как клюет! В вашем озере прорва рыбы! Смотрите, что я на нее выменял! – Он раскрыл сумку и вытащил двухлитровую банку клубники, пакет с зеленью, две большие помидорины и два тоже крупных пупырчатых огурца.

Мне очень хотелось спросить, ни у Катерины ли он так отоварился, но Май и сам сказал:

– Ваша соседка Катерина – очень добрая женщина. Она хотела еще всякого разного надавать, но я не стал брать: обмен должен быть равноценным. Рыба-то сама на крючок идет, а все эти ягоды-овощи вырастить нужно! В общем... давайте праздновать!

– А что... праздновать? – осторожно спросила я. – У вас сегодня какая-то дата?

– Никакой даты! Просто сегодня чудесный день, замечательный улов, красная клубника, рыжие помидоры, зеленые огурцы! Что еще для счастья надо?!

Я не стала с ним спорить, просто спросила:

– А вчерашнюю уху греть? Или вы как-то ее опять на костер... Я, видите ли, не разбираюсь...

– Можно просто погреть, а я пока салатик сделаю. Не возражаете?

Как я могла возражать?

Мы с Маем как раз съели по тарелке вчерашней ухи, которая сегодня показалась мне еще вкусней, поскольку настоялась, приступили к салату и наконец довольно непринужденно разговорились, когда перед нами, совершенно утратившими бдительность, материализовалась фигура моего мужа.

– Ну и как же это называется? – спросил он, нервно покусывая губы и поигрывая связкой ключей, из чего я сделала вывод, что он приехал на машине, хотя на нашу дачу гораздо удобней добираться электричкой, если, конечно, ничего с собой не везешь.

– Вот... Стас... познакомься... – заговорила я, заглядывая мужу в глаза преданной собакой, – это наш жилец... Он приехал рыбу ловить... Хочешь ухи?

Я чувствовала, что ухи он не просто не хочет, а, что называется, видел ее в гробу.

– Она очень вкусная... тебе понравится... – засуетилась я. – Я сейчас налью... Ты же с дороги... проголодался...

– Галя! Остановись! – рявкнул муж. – Я спрашиваю, кто этот мужик?! – И он ткнул в сторону Мая пальцем.

– Позвольте, я сам представляюсь, – сказал мой жилец, поднявшись со скамейки. Он оказался на целую голову выше Стаса, и это, конечно, мужу тоже не понравилось. – Май Лазовитый, я приехал действительно ловить рыбу.

– Лазо... что? – Стас презрительно скривился и сощурился, что здорово испортило его очень неплохое в нормальном

состоянии лицо.

– Ну... это у меня фамилия такая нестандартная – Лазовитый... И имя – Май...

– Май?!

– Да... Именно так – Май.

Стас пожевал губами и выплюнул:

– Хорошо, что не Ноябрь!

– Все так шутят, когда услышат мое имя, только месяца называют разные. Особенно почему-то любят как раз ноябрь.

Я порадовалась, что в момент знакомства мысленно назвала Мая Февралем, не скатилась, так сказать, на общий вульгарный уровень.

– Да мне плевать, кто что любит! – выкрикнул вдруг Стас. – Что тебе надо от моей жены?!

Надо сказать, что я никогда не видела Стаса кричащим, никогда не слышала визгливо-истеричных нот в его голосе, и все это, впервые услышанное и увиденное, неприятно поразило меня. Мой интеллигентный муж в этот момент и покрасневшим лицом, и нарочитой напряженной позой живо напомнил мне нашего городского соседа, пенсионера Михаила Леонидовича, который с похожим выражением лица и с такими же интонациями бранился с нами по поводу лампочек на лестничной площадке. Он до сих пор уверен, что мы их выкручиваем, забираем себе, а взамен вставляем перегоревшие.

– Мне абсолютно ничего не нужно, – спокойно ответил Май. – Я просто снял у вас комнату на несколько дней. Я весь день пропадаю на озере, а вечером...

– Я вижу, как ты пропадаешь на озере! – опять истерично крикнул Стас, что его совершенно не украсило. Мне стало стыдно за мужа, и я попыталась как-то успокоить его:

– Стас... ну... не надо... Ничего же не происходит. Мы у всех на виду, на улице ужинаем... вот и все!

– Вот именно – на виду у всех ужинаете! А что вы делаете не на виду, нетрудно догадаться... даже вот... Машке! – И он сердито оттолкнул ногой ластившуюся к нему кошку. – Все садоводство бурлит! А Катерина вашего бесстыдства вообще вынести не смогла и мне позвонила!

– Так вот почему ты приехал раньше времени... – наконец поняла я и подумала, что даже не могла предположить, какая у соседки по садоводству гнусная, змеиная сущность.

– Да! Поэтому! Пришлось все бросить! А если бы ты хотела, чтобы я ничего не узнал, то могла бы принимать своего... своего... – Стас опять презрительно скривился, – ...френда по ночам! Так не-е-е-ет!! Днем! Чтобы меня на все Ключарево опозорить!! Какого черта, Галя? Что я тебе сделал?!

– Поверьте, Стас, – начал Май, – вам не в чем упрекнуть вашу жену! Да и меня тоже... Вы напрасно все...

– А ты вообще заткнись и вали отсюда, пока я тебя... не убил! У меня охотничье ружье есть! Она разве тебе не говорила?! – Теперь уже в мою сторону муж выставил подраги-

вающий палец, на котором уже не было колечка с ключами. Я некстати опустила глаза, чтобы посмотреть, куда они упали, так же некстати подумав о том, что будет очень плохо, если они потеряются. Разумеется, это жутко не понравилось Стасу.

– В глаза смотреть! – взревел он, наступая на меня.

– Ну это уж совсем... никуда... – возмутился Май и за-слонил собой меня от разъяренного мужа.

Наверно, между мужчинами завязалась бы драка, но мой постоялец оказался значительно сильнее Стаса. Он очень легко заломил ему руки за спину и посадил на скамейку. При этом к великой радости Машки, легко простившей Стасу невежливый пинок, на траву скатились обе наши тарелки с недоеденной ухой, и кошка, урча от удовольствия и оскалив острые зубки, принялась грызть кусок окуня, упавший аккурат возле Стасовых ключей.

Продолжая с силой удерживать мужа на скамейке, Май сказал:

– Я сейчас уйду, а вам желаю побыстрее очухаться, послать подальше всех сплетниц вашего садоводства и попросить у жены прощения. Так вот...

После этого он еще раз надавил на плечи Стаса, как бы проверяя, насколько прочно он сидит, и, удовлетворившись своими ощущениями, быстро зашагал в сторону дома вместе со своей черной сумкой, в которой принес ягоды и овощи. Я посмотрела на мужа. Лицо его было очень бледным, губы

дрожали. Я понимала, что он сейчас не чувствовал ничего, кроме унижения, а потому боялась проронить хотя бы слово. Я бочком подвинулась к скамейке, подняла ключи, положила их поближе к Стасу и тоже присела с другой стороны, поскольку ноги меня едва держали. Думаю, что не только я, но и Стас видел, как на крыльцо вышел Май все с той же черной сумкой в руках, с огромным рюкзаком за плечами и, выйдя за калитку, пошагал в сторону то ли озера, то ли железнодорожной станции. От нашего дома путь был один.

Мы молчали долго, потом я все же решилась сказать:

– Клянусь, Стас, между нами ничего не было... А какая Катерина сплетница, ты знаешь не хуже меня... Стоит с ней заговорить, она же всем в садоводстве кости перемоеет, хотя изо всех сил стараешься ее на это не провоцировать.

Он еще немного помолчал, а потом все же отозвался:

– Допустим... ничего не было... Хотя... Но... допустим... Тогда скажи, зачем ты сдала ему комнату, если мы никогда этого не делали?

– Затем, что он попросил ее сдать...

– А почему ты его не послала, например, к той же Катерине? Она женщина одинокая и все такое...

– Не послала, да... Не знаю почему... – Я сказала мужу чистую правду. В тот момент я действительно не знала, почему пригласила Мая остановиться у нас.

Стас вдруг развернулся ко мне, внимательно посмотрел в глаза и уверенно произнес:

– Все ты знаешь! Он ведь тебе понравился, да?! Ну, скажи правду! Скажи!

Я подумала и еще раз сказала правду:

– Да, он мне понравился. Тому, кто неприятен, никто жить не даст!

– Ну вот! Я же говорил! – Стас звонко хлопнул себя по коленке. – Понравился! А ты представь, жена моя, себя на моем месте. Ты сидишь на работе, а тебе звонят и доверительно сообщают, что в это самое время твой муж развлекается на даче с какой-то девкой! Вот что бы ты сделала? Что? Скажи!

– Не зна-а-аю... – протянула я. – Думаю, что не поверила бы... Уж Катерине бы точно...

– Ну хорошо... – Стаса нервно передернуло. – Представим другую ситуацию: ты приезжаешь на дачу, просто так... потому что тебе вдруг захотелось... А я тут трапезничаю с какой-нибудь красивой женщиной, а потом еще и заявляю, что сдал ей комнату и живу с ней рядом уже несколько дней. Что бы ты подумала?

– Я подумала бы, что ты в нее влюбился... – предположила я и глупо улыбнулась.

– Вот! – Стас опять хлопнул себя по коленке так сильно, что я вздрогнула. – А что я должен думать?

– Что хочешь, но я не влюбилась... Он мне понравился, да, но я не влюблена...

– Знаешь, а я тебе верю! – Муж вдруг вскочил и заходил туда-сюда возле скамейки, безжалостно давя кусочки окуня,

которые Машка была уже не в силах съесть. – Какой смысл тебе влюбляться? Не вижу никакого смысла!

Я в недоумении посмотрела на Стаса. Куда он клонит?

– Да! Не вижу! – повторил он с непонятным мне злорадством. – Ты влюбишься, а он в тебя нет – тебе одно расстройство!

Он остановился передо мной, разглядывая меня с такой неприкрытой неприязнью, что я позволила себе спросить:

– То есть ты считаешь, что в меня влюбиться невозможно в принципе?

– А ты когда на себя в зеркало смотришь, что думаешь? – вопросом на вопрос ответил Стас.

Мне почему-то вдруг стало холодно. Я обняла себя за плечи и ничего не ответила. Да и зачем отвечать, если я ничего хорошего про свое отражение никогда в жизни не думала? Стасу ли в этом сомневаться! Но, с другой стороны, он ведь почему-то на мне женился... Я же ему не навязывалась... Он даже о любви мне говорил... Давно, правда... И я подумала, почему бы мне его не спросить об этом. И я спросила:

– То есть, когда ты на меня смотришь, тебе противно?

Он как-то странно хмыкнул и неопределенно ответил:

– Ну... не надо преувеличивать...

– Но все-таки? Мой вид твой взор не ласкает, не так ли? – не отставала я.

– Нет, ну почему... Я такого не говорил... – опять ушел от прямого ответа он.

И тогда я спросила уже прямо:

– Стас, скажи честно, почему ты на мне женился?

Муж зачем-то втянул голову в плечи, деревянно рассмеялся и сказал:

– Да как раз затем, чтобы моя жена никогда не смотрела налево! Никогда! Чтобы она смотрела только на меня одного! Я всегда хотел быть у своей жены единственным и неповторимым! И что получил?

– А что же ты получил?

– Этого т-т-твоего... жильца... – И Стас опять забегал возле скамейки взад-вперед.

Я решила проигнорировать упоминание о Мае и спросила о том, что в данный момент меня занимало гораздо больше:

– Ты никогда не любил меня, Стас?

– Ну вот! – Муж хлопнул себя по бокам обеими руками. – Я так и знал, что ты на это переведешь! Для вас, женщин, всегда во всем виноваты мужчины!

– Если ты такой прозорливый, то давно уже должен был подготовиться к ответу на такой вопрос. Я, пожалуй, его повторю чуть в иной форме... Ты любишь меня, муж мой?

Стас еще быстрее забегал перед скамейкой и заговорил с новой, незнакомой мне интонацией:

– Любовь к семейной жизни не имеет отношения! Ну... почти не имеет... Почему я должен тебе это объяснять?! Разве ты сама, такая умная, начитанная, этого не понимаешь? В семейной жизни важнее уважать друг друга и доверять во

всем!

– То есть ты никогда не любил меня, Стас? – продолжала я настаивать на своем.

– Любил, не любил, какая разница, если я именно на тебе женился! – все так же уклонялся от прямого ответа он. – И, мне кажется, у тебя не должно быть ко мне никаких претензий! Вот скажи, у тебя есть ко мне претензии?!

Муж остановился передо мной в уверенности, что сбил меня с намеченного пути, но просчитался. Я упрямо опять повторила тот же самый вопрос:

– Ты любишь меня?

– О-о-о-о! – театрально воскликнул он, обхватил голову руками, а потом, вдруг сообразив, каким ответным ударом можно меня сразить наповал, спросил сам: – А ты? Ты меня любишь?

– До сегодняшнего дня была уверена, что люблю! – опять очень правдиво ответила я.

– До сегодняшнего, да?! – Муж соорудил препротивную шутовскую физиономию. – А может, до того момента, когда увидела этого Ноября Иваныча и он насквозь пронзил твоё сердце? Ну, признайся же, Галочка моя!

Я задумалась, а потом довольно уверенно сказала:

– До сего момента я была абсолютно уверена, что люблю лишь тебя одного. Жилец меня действительно заинтересовал, но... и только... Точно так же я могла заинтересоваться и женщиной...

– Только этого еще не хватало! – опять воскликнул Стас и, не оглядываясь, почти побежал в сторону домика.

Я поняла, что дала ему лишний козырь. Разумеется, он не сомневался в моей сексуальной ориентации, но последнее мое заявление дало ему возможность ретироваться и дальше со мной не объясняться. Я осталась сидеть на скамейке, решив подвести итоги нашему разговору. Объевшаяся кошка нагло прыгнула ко мне на колени, свернулась калачиком и сыто заурчала. Я подумала, что Машка куда лучше ко мне относится, чем ее подлая хозяйка и мой собственный муж, и принялась наглаживать кошкин теплый меховой бок.

Итак! Сегодня выяснилось со всей очевидностью, что Стас меня не любил до женитьбы и вряд ли любит сейчас. Кроме того, он считает меня если и не уродиной, то очень неинтересной женщиной. Несмотря на это, он готов с такой мымрой жить, поскольку, ввиду своей очевидной некрасивости, я не только не заинтересую никаких посторонних мужчин, но и сама ни на кого не посмотрю и буду до могильной плиты благодарна мужу, который на мне женился. Мог бы ведь выбрать кого-нибудь посимпатичнее, но он принес себя в жертву и спас меня от одиночества, которого мне было бы не избежать, если бы не он. Впрочем, какая тут жертва? Стас просто хотел быть спокойным на мой счет. В этом жестоком мире есть масса причин для разного рода беспокойств, так пусть хоть будет такая жена, о которой не стоит переживать: всегда найдешь у ноги. Вот ведь как все неожиданно откры-

лось. Маю Лазовитому можно сказать «спасибо» уже только за то, что благодаря ему неприглядная правда вырвалась наружу. Довольно я обманывалась!

Та-а-ак... А что я вообще о своем муже знаю? Была ли у него какая-нибудь любовь до меня? Наверняка была, и, скорее всего, несчастная... Иначе чего бы ему так бояться соперников! В нашем отделе, где мы с ним, собственно, и познакомились, у него никаких романов не было, это я знаю точно. Мы с разницей в две недели устроились на работу, и он как-то сразу выбрал меня, долго присматривался, разговаривал со мной на разные темы, то да се... потом в театр пригласил – и пошло-поехало... А я влюбилась? А кто его знает? Он был первым мужчиной, который мной всерьез заинтересовался... Как мне было не полюбить его за это? А может быть, за что-то конкретное не любят? За конкретное – дружат... Может быть, всю нашу совместную жизнь мы со Стасом так и продружили? Да, но как же секс? А кто сказал, что он невозможен между друзьями? Нынешнее общество на такое очень легко смотрит.

И что же мне теперь делать? Хочу ли я дружить со своим мужем дальше? Можно подумать, что еще какой-нибудь другой мужчина, кроме него, сможет подарить мне свое расположение... Уж о любви я и не говорю... Любовь мне, видно, на роду не написана...

Я еще додумывала последнюю мысль, когда передо мной опять появился Стас с бутылкой водки в руках. И откуда

только взял? Неужели с собой привез? Вообще-то он не любитель...

— Пойду выпью с Петровичем, — сообщил муж, старательно не глядя мне в глаза. — А то что-то... не того... не так как-то...

— Делай, что хочешь, — равнодушно сказала я и удивилась тому, что мне совсем не хотелось его ни о чем расспрашивать: надо ли ему завтра на работу, и в каком состоянии он туда поедет, учитывая, что с Петровичем еще никому не удавалось выпить только одну бутылку.

Стас, видимо, понял, что участия от меня ему не дожидаться, неопределенно хмыкнул и направился к калитке. Я еще немного бездумно погладила Машку, а потом сбросила ее с колен и пошла собираться. Куда? Да хоть куда, только подальше от накатившей на меня нелюбви: и собственной, и Стасовой. Я достала из шкафа дорожную сумку, бессистемно покидала туда вещи, с которыми приехала на дачу, сняла халат, скомкала его, зачем-то тоже бросила в сумку, но вынимать его заленилась, утрамбовала все кулаком и громко вжикнула молнией. Надеть джинсы и легкую шифоновую тунику было делом нескольких минут, а потому я уже очень скоро вышагивала в сторону платформы Ключарево. Хорошо, что Катерины не оказалось ни на крыльце собственной дачи, ни во дворе, и потому она не сможет донести Стасу, что видела меня идущей в сторону электрички. Хотя... мне больше нет до этого дела... А до чего есть? До самой элек-

трички! Я же не посмотрела расписание! Ну и ладно! Лучше посидеть рядом с платформой на собственной сумке под деревом, чем находиться там, где я не хочу находиться.

Я была так взвинчена, что дошла, как мне показалось, слишком быстро. Никакие красоты леса меня не волновали, и я ни разу в пути не остановилась, чтобы сорвать цветок или просто полюбоваться свежей июньской листвой или старыми разлапистыми елями. Платформа была пуста, из чего я сделала вывод, что электричка недавно ушла, а следующая должна подойти не скоро. Но несколько человек все же прятались от солнца под деревьями, что означало: ждать придется все же менее часа. Я еще раздумывала, куда мне пристроиться со своей сумкой, когда услышала знакомый голос, от которого даже вздрогнула:

– Галя! Идите сюда!

Под крупным деревом недавно отцветшей черемухи прямо на траве сидел Май. Я нерешительно подошла к нему. Он предложил:

– Садитесь на мой рюкзак!

– Нет... Я на свою сумку... – промямлила я, опустилась на нее и почувствовала, как подо мной что-то хрустнуло. Наверняка темные очки... Ну и пусть! Смешно сокрушаться об очках, когда, возможно, жизнь идет под откос...

– Рассердились на мужа? – спросил мой бывший жилец. – Решили уехать?

Я ничего не ответила, только тяжело вздохнула.

– Может, зря? Все утрясется? – продолжил задавать, как мне казалось, совершенно бессмысленные вопросы Май. – Вам же действительно не в чем себя упрекнуть, и муж в конце концов поймет это. Не торопитесь!

Я посмотрела на него и невесело усмехнулась. Он же не может знать, что я хочу уехать вовсе не от необоснованных обвинений. Я решила уехать от нелюбви. Не объяснять же ему это.

– Я понял: вы не хотите на эту тему распространяться, – сказал Май. – И это правильно! Никогда не надо выносить сор из избы.

– Вы не знаете, когда придет электричка? – сменила я тему.

Май посмотрел на запястье, где красовались очень крупные и, наверно, дорогие часы, и ответил:

– Одна электричка помахала мне хвостом – чуток не успел. Но следующая должна уже минут через двадцать подойти.

Некоторое время мы молчали, а потом уже я из одной только вежливости спросила:

– А почему вы уезжаете? Могли бы снять комнату у кого-нибудь другого.

– Не знаю... – Май пожал плечами. – Кураж прошел... Рыбу надо ловить в кураже! Как, собственно, делать любое дело...

– Но вы же говорили, что отдыхаете на рыбалке!

– Да, конечно, отдыхаю, но все равно нужно настроение, желание... Пропало то и другое...

– Простите...

– Да что вы такое говорите! – Май улыбнулся, голубые глаза будто осветились изнутри, а потом опять потухли. – Это вы меня простите... Я явился причиной вашей размолвки с мужем. Но... все уладится! Вот увидите!

– Не уладится! – резко сказала я. – Все кончено!

– Бро-о-о-осьте! Милые бранятся – только тешатся!

– Не говорите банальностей!

– Это не банальность, а народная мудрость!

– Думаете, этот самый народ никогда не ошибается?

– Никогда! В пословицах и поговорках – квинтэссенция общечеловеческой мудрости! Ошибка может быть в другом.

– В чем? – Я с интересом на него посмотрела.

– Ну... например, в том, что те, которые бранятся, вовсе не милы друг другу... Но это же не ваш случай...

Май смотрел мимо меня, и я не могла понять, как он на самом деле воспринимает произошедшее. Говорит ли это тоже только из вежливости, чтобы скоротать время, или всерьез переживает, что стал причиной моей с мужем ссоры. Я опять решила не отвечать. Молчание долго не продлилось. Май снова спросил:

– Так вы решительно настроены уехать?

– Да, – односложно ответила я.

– Вы в городе... поедете домой?

Я задумалась, хочу ли я домой, где все будет напоминать мне, как я заботилась о человеке, который, как выяснилось, никогда не любил меня. Пожалуй, не хочу...

– Нет... – Для убедительности я решительно помотала головой. Из моего бублика на затылке выпали шпильки, и волосы рассыпались по плечам.

– Вам так лучше, – отметил Май.

– Я знаю, – ответила я, подобрала шпильки и снова соорудила бублик.

– А куда вы? К родственникам? К подруге?

Я еще не придумала, куда мне деться, а потому честно ответила:

– Не знаю... – Мне очень хотелось добавить: «Не ваше дело!», и я с трудом сдержалась. Я чувствовала, что он разглядывает меня, и это было неприятно. Кроме пресловутого бублика, он мог разглядеть во мне еще массу некрасивого, а потому поторопилась спросить: – Зачем вы так пристально на меня смотрите?

– Так... Тоже не знаю... Просто... Хочу вам кое-что предложить...

– Нет! – Я выкрикнула это так громко, что женщина, которая ждала электричку под соседним тополем, выронила крутое яйцо, которым перекусывала. Яйцо подкатилось прямо к моим ногам, и я пнула его обратно, к хозяйке, будто бы она станет его доедать, вываленное в пыли и соре.

– Да я не про то, о чем вы, быть может, подумали, – ску-

по улыбнувшись, произнес Май. – Я хочу вам предложить одну поездку на пару дней. Совершенно невинную с точки зрения... ну... того, о чем вы подумали... Зато вы сможете успокоиться и, возможно, вернуться к мужу совсем другим человеком и простить его. А он, пока вас не будет, скорее всего, тоже опомнится, обязательно извинится, и все у вас опять будет хорошо. Супругам иногда полезно пожить врозь.

– Это вы из личного опыта? – попыталась я съязвить.

– Ну... и из личного тоже... – совершенно спокойно отреагировал. Май – Так поедем?

– Куда?

– Знаете поселок Брилево?

– Конечно, знаю: вторая станция отсюда, как раз по дороге в Питер. Электричка, которую мы ждем, подходит...

– Вот именно! Недалеко! Там, говорят, есть заброшенный храм Вознесения Господня – удивительной красоты. Восемнадцатый век... Хочу посмотреть, можно ли восстановить. Если можно, то надо бы прикинуть, какие силы понадобятся. Я вообще-то и планировал туда заехать после рыбалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.